

УДК 316.[442.2+334.3]+7.011.3
DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_23

Ю.А. Кузовенкова

Самара
Самарский государственный медицинский университет
yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

РОЛЬ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА В КОНСТРУИРОВАНИИ «ПРИЗНАННОГО СУБЪЕКТА» МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ГРАФФИТИ

В современном мире мы наблюдаем беспрецедентные изменения в гендерных темах. На этом фоне встает вопрос о степени таких трансформаций в молодежных субкультурах. В данной статье рассматривается молодежная субкультура граффити, знаковой чертой которой является маскулинность. Результаты исследования показывают, что биологический пол граффитчика все меньше влияет на оценку качества его работы, что позволяет девушкам войти в публичное поле граффити. Тем не менее маскулинность остается для этой субкультуры основой идентичности.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, граффити, маскулинность, феминность, гендер.

На сегодняшний день в общественной жизни гендерный вопрос становится все более острым, что особенно видно на примере западного общества. Единая медиасреда, в первую очередь посредством сети Интернет, делает доступной по всему миру информацию о новых гендерных образцах, связанных с ними социальных нормах и т. п. Гендерные изменения протекают в разных формах и на разных уровнях культуры. Можно ожидать, что трансформации, происходящие в широком общественном пространстве и временами имеющие большой резонанс, будут иметь параллели в более узких культурных пространствах, таких как молодежные субкультуры.

В XX в. в рамках общественных движений и государственной политики шла борьба за изменение социальных конструктов «мужского» и «женского». Так, впервые в массовом масштабе положение женщины в обществе стало меняться в Советской России. Она получила возможность перешагнуть границы семьи и реализовать себя в различных общественных сферах.

Как отмечает К. Чухров, «женщина становится таким же “хomo советикусом”, как и мужчина, но ценой потери своей сексуальной аттрактивности» [1, с. 211]. В США середины XX в. в рамках контркультуры возникла борьба за права женщин. Во второй половине столетия в общественных и научных дискуссиях началось обсуждение темы гендера. Оказалось, что в отличие от биологического пола, культурных моделей феминности и маскулинности гораздо больше.

На фоне глобальных трансформаций, происходящих в социальном и культурном пространстве, встает вопрос о возможных гендерных изменениях в молодежных субкультурах, особенно тех, которые имеют ярко выраженную гендерную окраску. Современные западные исследователи констатируют гендерный сдвиг, новое понимание феминности и маскулинности в этих культурных пространствах. Так, анализ субкультуры футбольных болельщиков, проведенный М. Фри, Дж. Хагсон и др. [2], позволил выявить способы конструирования маскулинности ее представителей, которая возникает как противопоставление

феминности в форме определенных действий [2, с. 150-151]. Однако исследование, проведенное позднее М. Поуп [3], показало, что данная субкультура не исключает из своего поля женщин и привносимую ими феминность, а порождает внутри себя новые ее типы: «маскулинная» феминность и «феминная» феминность, находящие свое проявление в двух типах футбольных болельщиц – «горячем» (hot) и «холодном» (cool) [3, с. 176]. Вывести такое положение дел в субкультуре становится возможным, если принимать во внимание уровень вовлеченности и разнообразие форм, используемых женщинами при поддержке своей футбольной команды.

Подрыв традиционных представлений о женственности подтверждают исследования субкультуры байкеров: «Независимо от своих первоначальных мотивов, все наши информанты любят подрывать традиционные представления о женственности. Они включают гипермужской символизм в свою динамичную женственность. Девушки успешно нарушают традиционные гендерные границы, передвигают их» [4, с. 192]. Исследование Дж. Дрентон, Н. Харрисона и др., посвященное еще одним традиционно мужским практикам – компьютерным играм, показало, что потребители начинают сомневаться в гендерных различиях, навязываемых им рынком, и рассматривают их как тонкие социальные конструкции, а не биологические категории, что приводит к гендерному сдвигу в этой сфере и увеличению количества девушек-геймеров [5]. Другое исследование, выполненное Ф. Гомез-Гонзалво, П. Молина и др., выявляет специфику гендерной гейминговой культуры подростков. Подростки обоих полов тратят больше времени на видеоигры по выходным, чем среди недели; подростки мужского пола тратят больше денег на видеоигры, чем подростки женского пола. Девочки предпочитают образовательные игры и используют

для них мобильные телефоны или планшеты, в то время как мальчики предпочитают активные спортивные игры, игры-стратегии и игры с военной тематикой, а в качестве технических средств выступают персональные компьютеры и консоли [6]. Авторы резюмируют, что видеоигры остаются сферой мужского доминирования.

В музыкальных субкультурах также происходят изменения. Например, в панк-культуре место девушек определяется как срединное между панками как таковыми и феминистками. Появление девушек в пространстве панк-культуры (традиционной мужской территории) стало возможным благодаря «внесению в нее феминности через носящую игровой характер коммуникацию, которая позволила договориться о множестве форм феминности (multiple femininities)» [7, с. 170]. Однако исследование Г. Ларсен [8] говорит о том, что женщины так и не были приняты мужским полом как полноценные представительницы рок-культуры. Чтобы обозначить их не как настоящих фанатов, а как нелегитимных, пассивных, потребителей, представителями рок-культуры мужского пола используется термин «группис» (groupies) [8, с. 398]. Его цель – обозначить женщин как «других», стигматизировать, исключить из процесса творческого производства в рок-музыке.

Важно отметить, что не во всех современных молодежных субкультурах происходит гендерный сдвиг. Так, согласно А. Бруант, в евангелической студенческой субкультуре, основанной на христианских ценностях, до сих пор сохраняются традиционные гендерные представления, находящие свое проявление в предписываемых личностных качествах и ролевых моделях, в представлениях о «врожденных» гендерных отличиях и нормах брачных отношений. Например, мужчина должен быть лидером, а девушка скромной [9]. Это указывает на то, что гендерные модели субкультуры детерминиро-

ваны ее базовыми представлениями о реальности.

Российские ученые также обращаются к исследованию гендерных особенностей молодежных субкультур, констатируя сохранение традиционных представлений о феминности и маскулинности, традиционных женских и мужских ролях. Данные выводы они делают на основе изучения футбольных фанатов [10, с. 281] и игрового проекта «Дозор» [11, с. 155]. Согласно ряду работ [12; 13], российские субкультуры по своим гендерным характеристикам располагаются между полюсами «маскулинное» и «андрогинное». Феминных субкультур, или феминных черт в субкультурах, иного происхождения настолько мало, что ими при классификации по гендерному признаку можно пренебречь. Нельзя также забывать, что некоторые из них совершенно индифферентны в гендерном отношении [12, с. 94].

Таким образом, мы видим, что в последнее десятилетие внутри субкультур, связанных со спортом, музыкой, цифровыми технологиями, происходит переосмысление утвердившихся некогда гендерных установок. Нормы поведения, характерные ранее только для представителей мужского пола, начинают перениматься представительницами женского. Однако в разных субкультурах и в разных сообществах интенсивность протекания этих изменений не одинакова. В некоторых случаях (с религиозными субкультурами) они не наблюдаются вообще.

В рамках данного исследования мы рассмотрим субкультуру граффити, которая традиционно считается мужской, маскулинной¹, и попытаемся проследить динамику гендерных установок, влияющих на допуск в ее публичное пространство представителей женского пола.

¹ Приветствуются нелегальность, правонарушения, оппозиционность обществу потребления, физическая сила, бесстрашие, одна из главных целей граффити – получение адреналина [14, с. 104].

Для этого потребуется решить следующие задачи:

- описать причины, побудившие девушек заняться нелегальным граффити;

- реконструировать гендерный образ, создаваемый девушками для самоидентификации в рамках данной субкультуры;

- выявить восприятие молодыми людьми-граффитчиками девушек в уличном искусстве;

- определить условия, позволяющие тем или иным группам молодежи, практикующим граффити, стать признанными субъектами этой субкультуры.

Эмпирическую базу исследования составили качественные полуструктурированные интервью граффитчиков, которые были разделены на два поколения: 2000-х гг. (начали рисовать в 2000-х, некоторые продолжают делать это до сих пор – N = 6 мужского пола, N = 2 женского пола) и 2010-х гг. (начали рисовать в 2010-х и некоторые продолжают делать это до сих пор – N = 4 мужского пола, N = 6 женского пола). Из них 13 проживают в Самаре, 2 – в Новокуйбышевске (Самарская область), 2 – в Москве, 1 – в Новосибирске.

Парням предлагалось ответить на несколько вопросов, связанных с их хобби: «Какими качествами должен обладать настоящий граффитчик?», «Какие критерии для оценки работы граффитчика вы используете?», «Как вы относитесь к девушкам, занимающимся граффити?», «Как в вашей среде традиционно принято относиться к девушкам-граффитчицам?» и др. Вопросы, которые задавались девушкам, были другими: «Что вас привлекло в граффити?», «Что у вас сходного/отличного с парнями-граффитчиками?», «Как к вам относятся парни из этой среды?», «Какими качествами нужно обладать девушке, чтобы стать граффитчицей?» и др.

Подход к интерпретации данных основан на гендерной теории Дж. Батлер, согласно которой

перформативные гендерные установки «оформляют жизненные модусы телесного существования» [15, с. 35], поэтому «тело – не столько объект, сколько живой комплекс отношений» [16, с. 68]. Однако эти модусы не являются затвердевшими, монолитными, так как существуют «разные способы проживания гендера» [15, с. 36].

Интервью позволили выявить две причины вовлечения девушек в субкультуру:

- возможность творческой самореализации;

- наличие молодого человека, занимающегося граффити (в этом случае мотив девушки – желание увеличить количество общих интересов, укрепить отношения).

Содержанием работ девушек большей частью являются абстрактные или фигуративные изображения, а не шрифты, характерные для классического граффити. Знакомство с биографиями позволяет утверждать, что нелегальным рисованием на улице занимаются те из них, кто имеет творческий бэкграунд (видеоуроки рисования, художественная школа/училище, архитектурный вуз, занятия брейк-дансом), причем независимо от мотива вовлечения в субкультуру [17, с. 69].

Можно говорить о наличии женского стиля в граффити, который конституируется через специфику объектов изображения (бабочки, сердечки и т. п.) и используемую палитру цветов (розовый как доминирующий цвет) [18, с. 53-54; 19, с. 171-172], однако не все девушки применяют его в своей практике, иногда предпочитая сохранять гендерно нейтральный стиль [17, с. 66; 19, с. 172-173]. В силу опасности этой формы искусства выбор мест для рисования представительницами данного пола отличается от выбора, сделанного парнями. У девушек отсутствует высокая потребность в адреналине, существующая у парней, и физическая возможность постоять за себя в случае реальной угрозы во время нелегального рисования, особенно в

ночное время. Поэтому, если они рисуют одни, то выбирают наиболее безопасные места. Если их сопровождают парни-граффитчики, то степень опасности выбранного места повышается.

Девушки-граффитчицы обоих поколений указывают на преимущественно положительное отношение к ним парней-граффитчиков, однако есть и негативные примеры: «Кого-то я вдохновляю, кто-то общается со мной иронично или пренебрежительно» (инт. 4). Основная роль парней-граффитчиков в женской «граффити-карьере» – защита во время нелегального рисования, а также обучение техникам и приемам рисования баллоном (патерналистическая модель). При этом некоторые граффитчицы второго поколения говорят о потере значимости в этой субкультуре фактора пола: «Граффити – одна из самых несексистских сред, как ты рисуешь, так тебя и оценят» (инт. 5). Можно говорить о том, что в текущей ситуации через интервью были зафиксированы две позиции по поводу гендерного вопроса в этой субкультуре: «биологический пол имеет значение» и «биологический пол не имеет значения».

Мотив вхождения в субкультуру влияет на самопозиционирование девушки в этой среде. Девушки-граффитчицы, которые руководствуются мотивом творческого самовыражения через граффити, отстаивают свое право быть в маскулинной среде. Не отвергая маскулинный характер субкультуры, они обосновывают возможность соответствовать ее нормам. Вот один из примеров высказывания: «В самой женщине есть маскулинное: кто-то спортсменка, кто-то граффитчица» (инт. 5). В свою очередь девушки, пришедшие в граффити из-за своих молодых людей, не рассматривают себя как аутентичных представительниц этой среды, поэтому не пытаются легитимировать себя в ней: «У нас это несерьезно, а парни соревнуются между собой» (инт. 6).

Обработка результатов интервьюирования молодых людей мужского

пола, несмотря на то, что рефреном шло положительное отношение к девушкам в граффити, позволяет выделить две основные позиции. Эти позиции имеют корреляцию с поколениями граффитчиков и с теми двумя оценками значимости биологического пола, которые мы выявили с помощью интервью девушек («пол имеет значение» и «пол не имеет значения»). Для граффитчиков поколения 2000-х гг. характерны такие высказывания, как: «Она же девушка, что она нарисует?» (инт. 1) или: «Им не обязательно красиво рисовать» (инт. 2). Суть позиции этого поколения такова: девушки в эту среду допускаются, но на них не смотрят как на равных, у них инструментальная функция – усиливать маскулинный образ граффитчика, под защитой которого рисуют. В высказываниях граффитчиков поколения 2010-х гг. появляется иная позиция. Один из граффитчиков так описал свое восприятие субкультурной среды: «В граффити нет границ» (инт. 7), имея в виду, что биологический пол граффитчика не имеет значения. Он же дает свое объяснение такому положению вещей: «Сейчас уже нет граффити – идея пропала» (инт. 7), имея в виду, что исчезает идея свободы, бунтарства, появляется коммерциализация, граффити становится транзитным этапом к зарабатыванию денег.

Итак, в качестве «действующих лиц» в субкультуре граффити мы имеем две группы: парней-граффитчиков с традиционной маскулинностью и девушек-граффитчиц, пытающихся легитимировать свой феминный гендер в маскулинной среде. Признанными субъектами граффити, согласно Дж. Батлер, мы можем назвать первую группу, так как гендерные нормы субкультуры позволяют ей появиться в публичном пространстве. Вторая не имеет однозначного статуса в рамках субкультуры, поскольку не все представители граффити готовы принять привычные для маскулинности модусы переживания своего гендера в женской «вариации». И все же девушки могут

стать признанными субъектами субкультуры в силу того, что маскулинность в граффити не выстраивается за счет противопоставления феминности. На сегодняшний день девушки находятся в нормативном поле граффити, в котором сосуществуют две противоположные гендерные установки, обусловленные представлениями двух поколений парней-граффитчиков. Этот симбиоз противоположных норм указывает на появление новых гендерных установок, не отменяющих старые. Данные изменения связаны с выведением биологического пола из оснований для допуска граффитчика в публичное пространство субкультуры и из критериев оценки качества работы (если в 2000-х гг. принадлежность автора работы к женскому полу повышало вероятность ее негативной оценки, то в 2010-х этот критерий становится гибче, или от него отказываются совсем). В данный момент наблюдается тенденция к оценке работ только на основе качества техники их выполнения и представленного авторского стиля. Обсуждая девушек, оговоримся, что здесь мы рассматриваем только ту группу, чей мотив вовлечения в граффити – творческая самореализация, так как девушки, пришедшие в граффити вслед за своими молодыми людьми, сами не претендуют на признание себя в качестве субъекта субкультуры.

В отличие от Н. Макдональд, которая, изучая американское граффити, утверждала: «...парни прилагают усилия, чтобы доказать, что они “мужчины”, в то время как девушкам нужно работать, чтобы доказать, что они не “женщины”» [14, с. 130], мы склонны полагать, что российские девушки-граффитчицы используют иную стратегию. Не пытаясь отвергнуть свою феминность, они инкорпорируют в нее черты, взятые из маскулинной идентичности (готовность к нарушению закона, физическим нагрузкам и т. п.). Также девушки оттачивают технику своего рисунка, понимая критерии признания граффитчика в этой среде, и таким образом

становятся признанными субъектами субкультуры, найдя способ соответствовать нормам, регулирующим признание. Стратегиями поведения они подтверждают, что существуют разные способы проживания своего гендера, сохраняя при этом неизменной его идентичность. Поэтому можно говорить о том, что девушки попадают в публичное поле граффити не столько через оспаривание норм и борьбу с ними, сколько через умение подстроиться под них, не разрушив своей гендерной идентичности.

Появившееся в мужской маскулинной субкультуре «женское тело» является знаком складывающихся внутри нее новых отношений. Маскулинность в качестве атрибута только мужского пола долгое время существовала в поле представлений субкультуры граффити как «внутренняя истина» [15, с. 66].

Но, будучи сепарированной от мужского пола, она инкорпорируется в феминный гендер, создавая для девушек еще один способ «прожить» свой биологический пол. Однако, несмотря на все произошедшие изменения, количество девушек в субкультуре граффити остается крайне малым.

Интервьюенты

Поколение 2000-х гг.:

Инт. 1 – И., м., начал рисовать в 2008 г.;

Инт. 2 – Р., м., начал рисовать в 2006 г.;

Инт. 3 – А.А., м., начал рисовать в 2007 г.

Поколение 2010-х гг.:

Инт. 4 – А.Л., ж., начала рисовать в 2015 г.;

Инт. 5 – А.Д., ж., начала рисовать в 2014 г.;

Инт. 6 – Ф., ж., начала рисовать в 2015 г.;

Инт. 7 – В., м., начал рисовать в 2013 г.;

Инт. 8 – D., м., начал рисовать в 2014 г.

Список литературы

1. Чухров К. Генеалогия понятия «гендер» // Избранные лекции по современному искусству и философии / Ин-т проблем соврем. искусства. Москва, 2013. С. 206-269. (Труды ИПСИ; Т. 1).
2. Free M., Hughson J. Settling Accounts with Hooligans. Gender Blindness in Football Supporter Subculture Research // Men and Masculinities. 2003. Vol. 6, № 2. P. 136-155.
3. Pope S. "The Love of My Life": The Meaning and Importance of Sport for Female Fans // Journal of Sport and Social Issues. 2013. Vol. 37, Iss. 2. P. 176-195.
4. Martin D.M., Schouten J.W., McAlexander J.H. Claiming the Throttle: Multiple Femininities in a Hyper-Masculine Subculture // Consumption, Markets and Culture. 2006. Vol. 9, № 3. P. 171-205.
5. Drenten J., Harrison R.L., Pendarvis N.J. Video gaming as a gendered pursuit // Handbook of Research on Gender and Marketing / ed. by S. Dobscha. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 28-44.
6. Gómez-Gonzalvo F., Molina P., Devís-Devís J. Which are the patterns of video game use in Spanish school adolescents? Gender as a key factor // Entertainment Computing. 2020. Vol. 34. Art. 100366.
7. Berkers P. Rock against gender roles: Performing femininities and doing feminism among women punk performers in the Netherlands, 1976-1982 // Journal of Popular Music Studies. 2012. № 24 (2). P. 156-174.
8. Larsen G. «It's a man's man's man's world»: Music groupies and the othering of women in the world of rock // Organization. 2017. № 24, вып. 3. С. 397-417.
9. Bruant A.N. Negotiating the complementarian gender ideology of an evangelical student subculture: further evidence from women's narratives // Gender and Education. 2009. Vol. 21, Iss. 5. P. 549-565.

10. Калмыкова А.И. Роль околоспортивной субкультуры в формировании гендерной идентичности мужчин // Вестник Тверского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 273-283.
11. Петрова Т. Появление в постсоветском обществе новых молодежных солидарностей на примере экстремального игрового проекта «Дозор» // Новые молодежные движения и солидарности России / под ред. Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабировой. Ульяновск: УГУ, 2011. С. 145-162.
12. Латышева Т.В. Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 93-101.
13. Шорыгин Е.А. Гендер как основа формирования молодежных солидарностей: на примере андрогинных и маскулинных субкультур // The theory and practice of gender studies in world science: materials of the VI international scientific conference on May 5-6, 2015 / Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera – CZ». Prague, 2015. P. 48-53.
14. Macdonald N. The Graffiti Subculture: Youth, Masculinity, and Identity in London and New York. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 256 p.
15. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д.Ю. Кралечкина. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.
16. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 168 с.
17. Кузовенкова Ю.А. Девушки в граффити: гендерные особенности российского молодежного сообщества // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 59-72.
18. Guevara N. Women Writin' Rappin' Breakin' // Droppin' Science: Critical Essays on Rap Music and Hip Hop Culture / ed. W.E. Perkins. Philadelphia: Temple University Press, 1996. P. 49-62.
19. Waclawek A. From Graffiti to the Street Art Movement: Negotiating Art Worlds, Urban Spaces, and Visual Culture, c. 1970–2008. A Thesis in The Department of Art History. Presented in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at Concordia University Montreal. Quebec, 2008. 362 p.

Сведения об авторе:

Кузовенкова Юлия Александровна, доцент, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета

ул. Чапаевская, 89, Самара, 443099
yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

Дата поступления статьи: 03.04.2023

Одобрено: 26.06.2023

Дата публикации: 30.06.2023

Для цитирования:

Кузовенкова Ю.А. Роль гендерного дискурса в конструировании «признанного субъекта» молодежной субкультуры граффити // Сфера культуры. 2023. № 2 (12). С. 23–31.
DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_23

УДК 316.[442.2+334.3]+7.011.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_23

Yu.A. Kuzovenkova

Samara
Samara State Medical University
yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

THE ROLE OF GENDER DISCOURSE IN THE CONSTRUCTION OF THE *LEGITIMIZED SUBJECT* OF THE YOUTH GRAFFITI SUBCULTURE

In today's world, we are witnessing unprecedented changes in gender issues. Against this background, a question arises about the degree of such transformations in youth subcultures. This article discusses the youth subculture of graffiti, the iconic feature of which is masculinity. The results of the study show that the biological gender of a graffiti artist is

increasingly less affecting the assessment of the quality of the work, which allows girls to enter the public field of graffiti. Yet, masculinity remains, for this subculture, the basis of identity.

Keywords: subculture, youth, graffiti, masculinity, femininity, gender.

References

1. Chuxrov, K. (2013) Genealogiya ponyatiya «gender» [Genealogy of the "Gender" Concept]. *Izbranny`e lekciï po sovremennomu iskusstvu i filosofii* [Selected Lectures on Modern Art and Philosophy]. Moscow, 206-269. (Proceedings of Institute of Modern Art Problems, Vol. 1). (In Russian).
2. Free, M., Hughson J. (2003) Settling Accounts with Hooligans. Gender Blindness in Football Supporter Subculture Research. *Men and Masculinities*, Vol. 6, No. 2, 136-155. (In English).
3. Pope, S. (2013) "The Love of My Life": The Meaning and Importance of Sport for Female Fans. *Journal of Sport and Social Issues*, Vol. 37, Issue 2, 176-195. (In English).
4. Martin, D.M., Schouten, J.W., McAlexander, J.H. (2006) Claiming the Throttle: Multiple Femininities in a Hyper-Masculine Subculture. *Consumption, Markets and Culture*, Vol. 9, No. 3, 171-205. (In English).
5. Drenten, J., Harrison, R.L., Pendarvis, N.J. (2019) Video Gaming as a Gendered Pursuit. *Handbook of Research on Gender and Marketing*. Ed. by S. Dobscha. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 28-44. (In English).
6. Gómez-Gonzalvo, F., Molina, P., Devís-Devís, J. (2020) Which are the Patterns of Video Game Use in Spanish School Adolescents? Gender as a Key Factor. *Entertainment Computing*, Vol. 34, Art. 100366. (In English).
7. Berkers, P. (2012) Rock against Gender Roles: Performing Femininities and Doing Feminism Among Women Punk Performers in the Netherlands, 1976-1982. *Journal of Popular Music Studies*, No. 24 (2), 156-174. (In English).
8. Larsen, G. (2017) "It's a man's man's man's world": Music Groupies and the Othering of Women in the World of Rock. *Organization*, No. 24, Issue 3, 397-417. (In English).
9. Bruant, A.N. (2009) Negotiating the Complementarian Gender Ideology of an Evangelical Student Subculture: Further Evidence from Women's Narratives. *Gender and Education*, Vol. 21, Issue 5, 549-565. (In English).

10. Kalmykova, A.I. (2013) Rol' okolosportivnoj subkul'tury v formirovanii gendernoj identichnosti muzhchin [The Role of the Near-Sports Subculture in the Formation of Gender Identity of Men]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University], Issue 2, 273-283. (In Russian).
11. Petrova, T. (2011) Poyavlenie v postsovetskom obshchestve novykh molodezhnykh solidarnostej na primere ekstremalnogo igrovogo proekta "Dozor" [The Emergence of New Youth Solidarity in the Post-Soviet Society on the Example of the "Dozor" Extreme Game Project]. *Novye molodezhnye dvizheniya i solidarnosti Rossii* [New Youth Movements and Solidarity of Russia]. Ed. by E.L. Omelchenko, G.A. Sabirova. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 145-162. (In Russian).
12. Latysheva, T.V. (2010) Fenomen molodyozhnoj subkul'tury: sushhnost', tipy [Phenomenon of Youth Subculture: Essence, Types]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], No. 6, 93-101. (In Russian).
13. Shorygin, E.A. (2015) Gender kak osnova formirovaniya molodezhnykh solidarnostej: na primere androgynnykh i maskulinnykh subkul'tur [Gender as the Basis for the Formation of Youth Solidarity: on the Example of Androgynous and Masculine Subcultures]. *The Theory and Practice of Gender Studies in World Science: Materials of the VI International Scientific Conference on May 5-6, 2015*. Prague: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera – CZ», 48-53. (In Russian).
14. Macdonald, N. (2002) *The Graffiti Subculture: Youth, Masculinity, and Identity in London and New York*. New York: Palgrave Macmillan. (In English).
15. Butler, J. (2018) *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Transl. from English by D.Yu. Kralechkina. Moscow: Ad Marginem Press. (In English).
16. Butler, J. (2002) *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Transl. from English by Zavena Babloyana. Kharkov: Kharkov Centre of Gender Studies; Saint Petersburg: Aletejya. (In English).
17. Kuzovenkova, Yu.A. (2021) Devushki v graffiti: gendernye osobennosti rossijskogo molodezhnogo soobshchestva [Girls in Graffiti: Gender Features of the Russian Youth Community]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], No. 41, 59-72. (In Russian).
18. Guevara, N. (1996) *Women Writin' Rappin' Breakin. Droppin' Science: Critical Essays on Rap Music and Hip Hop Culture*. Ed. W.E. Perkins. Philadelphia: Temple University Press, 49-62. (In English).
19. Waclawek, A. (2008) *From Graffiti to the Street Art Movement: Negotiating Art Worlds, Urban Spaces, and Visual Culture, c. 1970 – 2008*. A Thesis in The Department of Art History. Presented in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at Concordia University Montreal. Quebec. (In English).

About the author:

Yuliya A. Kuzovenkova, Associate Professor, PhD in Culturology, Associate Professor at the Department of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University

89 Chapaevskayas Str., Samara, 443099
yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru